

Любовь к трем языкам

Текст: Иван Попов

Для **Аллы Леонидовны Зенькович**, одного из ведущих российских переводчиков-испанистов, иностранный язык — не только инструмент профессионального самовыражения. Она относится к нему как живому существу. «Языки — как люди: рождаются, развиваются, доходят до апогея и угасают. Если провести параллель между возрастом языков и возрастом человека, то, например, испанский язык сейчас в самом расцвете, ему 35–40 лет, он живой, постоянно движется, вбирая в себя новые слова и особенности из Латинской Америки, и очень востребован. А вот французский, игравший с XVIII и до начала XX века роль языка дипломатии и международного общения, стал потихоньку эту роль утрачивать и находится, так сказать, в зрелом возрасте... Язык — это идеальное создание природы. Казалось бы, сочетание звуков, но то, как они сочетаются, как воспроизводятся человеком, отражает национальные характеры народов. Поэтому язык — это ключ не только к информации, это средство проникновения в психологию, культуру, историю целых народов». По словам Аллы Леонидовны, которая работает старшим преподавателем кафедры романских языков МГИМО, она «обожает преподавать». «Я накопила капитал, которым мне хочется поделиться с молодежью», — говорит она. И «капитал» этот дорогого стоит. Почти десять лет А. Л. Зенькович работает личным переводчиком лидеров латиноамериканских стран — прежде всего президента Венесуэлы Уго Чавеса — на их переговорах с руководителями России. Но путь к этой карьерной вершине был долгим и непростым.

Алла Зенькович родилась в семье «секретных физиков». «Мой папа работал с Курчатовым, Ландау, заведовал кафедрой в МИФИ и мечтал, чтобы обе его дочки продолжили семейную традицию — увлеклись физикой или математикой. Но я была абсолютно гуманитарным ребенком. Как-то на родительском собрании на папин вопрос о моих успехах учительница ответила: «Одни пятерки! Но если вы отправите ее по вашим стопам, то совершите преступление». Папа пришел домой в расстройстве, но поскольку был умным человеком, то принял решение готовить меня в иняз». Вступительные экзамены Алла сдала на отлично и поступила на французский факультет. «Поскольку французский у меня уже был хороший, мне захотелось учить и другие языки. Я взяла испанский и английский». Окончила она иняз с красным дипломом в 1972 году, и говорят, что до сих пор это единственный случай, когда человек защитил на отлично сразу три дипломные работы! «В дипломе у меня было написано: имеет право преподавать и работать переводчиком с трех языками».

По комсомольской путевке Аллу Зенькович распределили в МИД, в УПДК. А параллельно она устроилась преподавать по вечерам французский язык в Дипакадемии. Так могла

ЯЗЫК — ЭТО НЕ ТОЛЬКО КЛЮЧ К ИНФОРМАЦИИ, ЭТО СРЕДСТВО ПРОНИКНОВЕНИЯ В ПСИХОЛОГИЮ, КУЛЬТУРУ, ИСТОРИЮ ЦЕЛЫХ НАРОДОВ

начать ее педагогическая деятельность, если бы через два года работа переводчика не перевесила окончательно. К тому же в управлении был создан протокольный отдел, где Алла Зенькович вскоре стала заместителем начальника. О преподавании пришлось забыть.

Сегодня Алла Леонидовна убеждена: «Каждый из нас пришел на эту землю с какой-то программой. И счастлив тот, кто понимает свое предназначение. Хоть и довольно поздно, но это понимание посетило меня спустя почти четверть века, когда в 1997 году я неожиданно вернулась к преподавательской деятельности».

А произошло это так. Главный редактор журнала «Дипломат» — издания УПДК для иностранных посольств, которое также рассылается в российские представительства за рубежом, — попросил А. Л. Зенькович взять интервью у ректора МГИМО. «Я с удовольствием согласилась, так как уже брала для журнала интервью у иностранных послов, и мне это нравилось. Когда я вошла в ректорский кабинет, Анатолий Васильевич предупредил, что у него есть только десять минут. Однако в конце беседы он неожиданно спросил: «Мне знакома ваша фамилия. Я знаю, что есть очень интересная научная работа по Латинской Америке, написанная нашим студентом, у которого такая же фамилия». Я спросила: «Как его зовут?» — «Павел». Действительно, в то время в институте на



Фото: Игорь Арабидзе

Пресс-служба Администрации Президента России

4-м курсе учился мой сын. Этого было достаточно, чтобы вместо десяти минут мы проговорили значительно больше. А в конце разговора Анатолий Васильевич спросил: «Почему бы вам не прийти на работу в МГИМО?» А меня в это время оформляли директором департамента внешних связей в компании к Владимиру Потанину. Работа обещала быть очень интересной, с большими финансовыми возможностями. Я сказала об этом ректору, который ответил: «Ну, вы знаете, все может измениться. Сегодня Потанин первый зам-пред правительства, а что будет завтра — неизвестно...» Я поблагодарила Анатолия Васильевича за любезное приглашение и ушла. Но предложение это меня очень заинтересовало. Дело в том, что в перестройку моя alma mater, иняз, не сумела сохранить свой преподавательский состав, и лучшие кадры были сконцентрированы в МГИМО... В общем, через два месяца смотрю телевизор, а в новостях говорят: Потанин больше не работает в правительстве. Я осмелилась снять трубку и позвонить в секретариат Торкунова. Меня соединили с ректором. «А я догадываюсь, почему вы звоните, — сказал он. — Так вы согласны у нас преподавать?» Я спросила: «А какой язык? Я могу преподавать в равной степени хорошо три языка». Анатолий Васильевич посоветовал пойти на романскую кафедру: «Там очень хорошая обстановка, замечательная заведующая». Выяснилось, что на 4-м курсе есть группа, которая осталась без преподавателя — он уехал на стажировку. Мне дали учебник и сказали: начинайте. А через несколько месяцев оформили на ставку старшего преподавателя, на которой я тружусь вот уже 12 лет».

Здесь необходимо сделать отступление и напомнить о трепетном, как к живому существу, отношении Аллы Леонидовны к иностранному языку. А с живым существом случается любовь. «Если в юности любимым был французский язык, а испанский и английский были больше рабочими, то теперь любимее всех испанский. И это связано с прекрасным периодом: жизнью с моим мужем».

Хуан Альдама, советник по политическим вопросам посольства Кубы, появился в Москве в 1981 году. «Мы познакомились, и у нас начался роман. Время было такое, что нам пришлось три года скрывать свои чувства. К тому же у каждого из нас была семья. А родственники вообще страшно перепутались, были уверены, что их уволят с работы. Но мы все же поженились и никогда об этом не жалели».

Испанский язык, естественно, сыграл в развитии этих отношений большую роль. «Меня, как и многих в Москве, испанскому языку учили «испаносовьетикос» — дети, приехавшие из Испании в 30-х годах, поэтому я была обладательницей типичного кастильского акцента. Когда муж впервые



Пресс-служба Администрации Президента России

КАЖДЫЙ ИЗ НАС ПРИШЕЛ НА ЭТУ ЗЕМЛЮ С КАКОЙ-ТО ПРОГРАММОЙ. И СЧАСТЛИВ ТОТ, КТО ПОНИМАЕТ СВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

услышал мой испанский, он сказал: и куда же ты собралась с таким произношением? Мне пришлось на ходу подхватывать латиноамериканский акцент и тематику».

Приезд на Кубу в 1984 году был сродни полету на Марс. Хуана быстро назначили директором департамента стран Азии. Сначала они работали полтора года в Гаване. «Я всегда говорю студентам: учите языки! И

чем больше языков вы знаете, тем больше это вам может помочь в сложных обстоятельствах. Дело в том, что с жильем на Кубе всегда было тяжело. Хуан, как благородный человек, оставил свою квартиру жене и двум детям, и нам негде было жить. Мы провели две недели в гостинице. А дальше — выучили языки. Бывший посол Кубы в Москве, который меня знал как хорошего пере-

водчика, став президентом Организации солидарности со странами Азии, Африки и Латинской Америки, пригласил работать в ее международный политический журнал — «Трикоинтенталь». Моя работа заключалась в том, что я проверяла на орфографию и стиль переводы текстов с испанского — на французский, английский и русский, а также следила за тем, чтобы переводчик не уходил далеко от оригинала. Знаете, итальянцы говорят: «Traduttore e traditore» — «Переводчик — предатель». Идя за красотой фразы, он может уйти от смысла. Но главное — на этой должности мне полагался дом на берегу моря и особая карточка (на Кубе до сих пор карточная система распределения) — «либрета де алиментос». Представляете, без году неделя в чужой стране, а уже обеспечила свою маленькую семью (маленький Павел тоже был с нами) квартирой! А на мою карточку кормились не только мы, но и родственники мужа».

Вскоре Хуана назначили министром-советником посольства в Индии, и там он вскоре стал послом. «А я работала пресс-атташе. Причем в отличие от сотрудников других кубинских посольств, которые присылали на Кубу только информацию, я готовила на основе анализа местной англоязычной прессы еженедельный информационный бюллетень и ежемесячно издавала журнал «Индия сегодня». За эту работу Алла получила благодарность, подписанную лично Фиделем. Кстати, Фидель сыграл в судьбе русско-кубинской четы немаловажную роль. Проведя в Индии три года (с 1985 по 1988 г.), Алла и Хуан вернулись на Кубу только для того, чтобы взять верительные грамоты и ехать в Афганистан. Но случилось непредвиденное. «Увидев меня на приеме, Фидель полшутя спросил министра иностранных дел: «Это правда, что жена нашего посла в Афганистане русская? Ну, тогда я — японский император! Кому, интересно, пришла в голову блестящая мысль отправить посла с русской женой и маленьким ребенком в Афганистан, когда оттуда еще не выведены советские войска?! Завтра же доложи мне, в какую хорошую страну мы их направляем». Я подумала, что это шутка, ведь у нас уже и билет, и деньги были на руках. Я собирала чемоданы, когда пришел Хуан и сказал: «Мы никак не летим, Фидель не шутил — нам поменяют страну». Через три недели его вызвали и сказали: вы едете в Грецию». Алла Леонидовна всегда учит студентов: тщательно готовьтесь к работе с языком, изучайте страну пребывания, ее культуру, историю. Она сама знает это правило, как «Отче наш». «Когда нас направляли в Афга-

нистан, я сидела в национальной библиотеке и читала про племена и вождей, удивляясь, какая интересная у Афганистана история! А тут говорят — нет, поедете в Грецию. Я бросаюсь в библиотеку — изучать историю Греции».

Но греки направили в Гавану в качестве посла женщину, ничего не поделаешь — кубинцы ответили тем же. Затем последовали другие предложения. «Таким образом, не выезжая из Гаваны, мы за девять месяцев поменяли около 11 стран! Среди них были и Новая Зеландия, и страны Латинской Америки. И всякий раз я бегала в библиотеку... Но когда нам сказали «Монголия», у мужа от нервного напряжения открылась язва. Поэтому, когда пришло назначение в Ирак, он сказал: всё, поехали!»



А. Л. Зенькович была награждена медалью «Хесус Менендес» — за мужество, проявленное в Багдаде во время боевых действий. Она стала единственной русской женщиной — кавалером этой награды

Кстати, Ирак в то время был гораздо более безопасным вариантом, нежели Афганистан. Там только что закончилась война, которая длилась восемь лет, и в кубинском МИДе справедливо посчитали, что наступил прочный мир.

«В Ираке мы прожили три года. И когда 2 августа 1990 года Саддам напал на Кувейт, муж сразу сказал: будет война. А если Хуан что-то предвидел (он был когда-то чемпионом Гаваны по шахматам), это точно происходило. И мы стали запасать в посольстве воду, продукты, бензин. Потом это очень пригодилось, ведь в Ираке работали 500 кубинских интернационалистов — врачи, медсестры. Мы смогли их привезти со всей страны в Багдад,

поместить в одном госпитале и обеспечить их безопасностью, в результате чего никто из них не погиб при бомбежках, которые продолжались 46 дней». Позднее А. Л. Зенькович была награждена медалью «Хесус Менендес» — за мужество, проявленное в Багдаде во время боевых действий. Эту медаль получают кубинские интернационалисты, и Алла Леонидовна стала единственной русской женщиной — кавалером этой награды. Отношения между Саддамом и Фиделем в тот период были теплые, доверительные, а кубинский посол служил между ними связующим звеном, передавал сообщения, телеграммы. «Но я не могла понять, почему Саддам вызывал мужа в свой бункер в 7 часов вечера, когда начинались бомбежки. Я страшно боялась. А муж словно не понимал

той опасности, которая грозила ему. Надо сказать, что кубинцы не просто патристически настроенные люди, они трепетно любят Кубу, слово «родина» для них не пустой звук. И представьте, летают над нашим зданием на бреющем полете бомбардировщики Б-52, а у нас развевается кубинский флаг. Другие посольства не только флаги снимали, но и машины свои закамуфлировали. Хуан просто бросал им вызов. Ответ на мои просьбы быть более разумнее он отвечал: «Не родился еще тот янки, перед которым я опушу свой национальный флаг».

10 января 1992 года Хуан Альдама погиб. «Я уже 17 лет вдова. Похоронил мужа на Кубе, где мне предлагали остаться, — давали дом, работу, но у меня мама, бабушка, сын в Москве...»

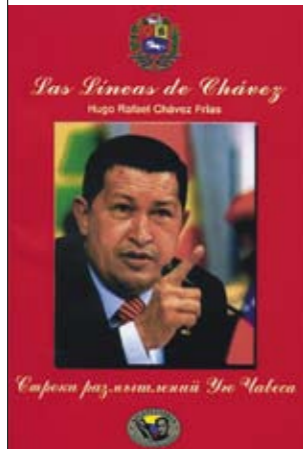
Алла Леонидовна благодарна судьбе не только за те десять счастливых лет, которые она прожила с мужем, не только за человеческий, но и за уникальный профессиональный опыт. «Мы с Хуаном были так счастливы, когда работали вместе! Мы, казалось, понимали друг друга с полуслова. Когда муж диктовал мне речи (у него был почерк, который он сам с трудом разбирал), он обычно говорил: «Ну а конец ты знаешь». Или: «Помнишь, что говорил Фидель на съезде, возьми оттуда цитату». Иногда будил среди ночи и говорил: «Мамита, пожалуйста, проснись! Я знаю, как нужно написать это вступление!» Я садилась за машинку и печатала. Вместе мы начали писать русско-испанский словарь на основе латиноамериканских особенностей...»

В 2001 году тогдашний посол Венесуэлы в Москве Франсиско Мьерес занимался организацией первого визита в Россию президента Уго Чавеса. Когда возник вопрос о кандидатуре переводчика для Чавеса, он обратился к послу Кубы Карлосу Пальмароле. Тот ответил: «Даже не раз-

думывай — Алла Зенькович». «Франсиско очень долго со мной общался, — вспоминает Алла Леонидовна. — Но когда он узнал, что мой папа ездил на Кубу с Микояном в первой советской делегации, был директором нашей научной выставки, а мама — одним из создателей атомной станции на Кубе, а я сама была замужем за кубинским послом, все сомнения разом отпали». Они подготовили тогда первую «эль перфиль» (справку-объективку) на Аллу Зенькович, которая с тех пор ходит по латиноамериканским посольствам, обрстая новыми подробностями всякий раз, когда приезжают новые президенты.

«Мне иногда кажется, это даже мое внутреннее убеждение, что тем, что мне сейчас дано — работе на таком высоком уровне, с такими неординарными людьми, — я обязана моему Хуану, который помогает мне отсюда... И связь эту я должна хранить». А студенты испанских групп МГИМО после каждого официального визита получают уникальный учебный материал. «Я рассказываю им и о правилах поведения на переговорах, и о роли переводчика, и об особенностях перевода, и об ошибках, которые делаются и которые, может быть, делаю я. Сейчас некоторые мои бывшие студенты работают в посольствах в Испании и в странах Латинской Америки. Только что вернулся из командировки Гриша Королев, который очень успешно проработал пять с половиной лет в Уругвае. Назову Павла Заварзина, который работает в Аргентине, Сергея Налобина, долго работавшего в Венесуэле, а теперь — в Департаменте вызовов и террористических угроз МИДа, Татьяну Монину — атташе в Испании, Михаила Зыгаря — известного журналиста и преподавателя на факультете МЖ, замдекана этого факультета Георгия Казанцева. Их много».

Конечно, самый богатый опыт А. Л. Зенькович получила от работы и общения с Уго Чавесом. «Первая встреча с ним произошла на правительственном аэродроме. Я увидела колоритного мужчину, которому меня представил посол: это ваш официальный переводчик. Чавес уже знал обо мне, так как видел объективку, и во время первых переговоров я почувствовала его расположение. Но первым латиноамериканским лидером, с которым я познакомилась, был Фидель. А поскольку Чавес очень близок к Фиделю, считает себя — и прямо об этом говорит — его учеником, мне с самого начала была понятна его риторика, логика речей. Он любит общаться с народом, окружать себя людьми, это кубинская манера. Его обвиняют в некотором популизме, видят в нем солдафона-десантника, но это не так. Более того, за последние годы он очень изменился, стал зрелым политическим лидером, прекрасно понимает, когда и что нужно говорить. Я это наблюдала, поскольку работала с ним не



«Линеас де Чавес» — книга размышлений, написанная венесуэльским президентом Уго Чавесом, в переводе А. Л. Зенькович



только в Москве, мы дважды были в Волгограде, в Ростове, в Ижевске, четыре раза ездили к Лукашенко». Алла Леонидовна не устаёт повторять студентам, что к любым переговорам надо готовиться. «Как бы хорошо вы ни знали язык, есть особая терминология, исторические параллели, реалии, включая имена лидеров освободительного движения, писателей, художников. Например, Чавес как-то сказал: «Мы здесь — как в битве при Пичинчи». Это же надо правильно перевести. Когда я переводила пресс-конференцию президента Эквадора Рафаэля Корреа в РУДН, он сыпал именами экономи-

стов — лауреатов Нобелевской премии, ссылаясь на литературные произведения. Поэтому общая эрудиция, культура, начитанность очень нужны переводчику». Хотя переговоры — дело напряжённое, Алла Зенькович выработала в себе за годы работы свой собственный стиль поведения. «У меня нет страха перед людьми, облечёнными властью. При всем моем огромном уважении к ним они не божества. Я знаю свое место — я лишь переводчик, но я знаю и свой статус: я жена посла, преподаватель нашего престижного вуза. Да и опыт большой. Поэтому держу себя спокойно и достойно. Даже Рафаэль Корреа мне сказал: «Вы первый переводчик,

Пресс-служба Администрации Президента России, посольства Республики Эквадор в России

у которого я не вижу страха в глазах». Тем не менее надо всегда быть готовым к непредвиденным ситуациям. «У меня был один случай, когда Чавес посчитал, что моя интонация не соответствовала пафосу его лозунгов. Это было в Институте философии, где он выступал перед старыми коммунистами. Тонко чувствующий атмосферу Чавес принялся громить американский империализм, цитировать Троцкого, Ленина. А я перевести ровным голосом. Вдруг он остановился и сказал: «Алла, что с тобой происходит? Где пафос? Где революционная страсть?» Я включила страсть, и мы этот зал подняли!» Нет переводчика, который хоть раз да не ошибся бы. В этом случае, убеждена Алла Леонидовна, ему на помощь должен прийти его коллега, который переводит партнера по переговорам. Мы, коллеги, должны уважать друг друга и внимательно слушать перевод. Если переводчик нашего президента или премьер-министра переводит определенный термин, употребленный говорящим, я, как переводчик иностранного лидера, должна этот термин подхватить, не предлагая свой вариант, иначе беседа «поплывет». Как-то Чавес во время одной из бесед с Владимиром Владимировичем воскликнул, потрясая кулаком: «Надо соединить все страны Латинской Америки в единый кулак, чтобы он был сильным и им можно было воспользоваться». И я вижу широкие глаза переводчицы: у нее выскочило из головы слово «кулак». И Путин не понимает, почему Чавес трясет кулаком. Пришлось помочь, подсказать.

Зенькович вспоминает другой похожий случай. «В 2001 году Чавес приехал с рабочим визитом на один день, чтобы поделиться опасениями по поводу обстановки в его стране. Он чувствовал, что назревает военный переворот (который и случился в следующем году). Первая встреча была с Касьяновым, который был тогда премьер-министром. Чавес, нервничая, минут 20 рассказывал о ситуации. Когда он закончил, Касьянов, улыбаясь, сказал: «Господин Чавес, давайте отделим мух от котлет. Я премьер-министр и готов обсудить с вами экономические вопросы. Потом вы поедете в Кремль и там обсудите политику». Переводчик Касьянова, видимо, решил не говорить про «мух и котлеты». Он поправил премьера, серьезно сказав: «Давайте разделим вопрос». Касьянов улыбается — он разрядил обстановку, но Чавес напряженно спрашивает: «А чему он, собственно говоря, смеется? Ему неважно, что происходит в дружественной стране?» Тут пришлось вмешаться мне: «Господин президент, наш премьер-министр пошутил, у нас есть такая шутка». И перевела про мух и котлеты буквально. И хотя это звучит некрасиво и на русском, и на испанском, Чавес сразу все понял и даже рассказал свою шутку: мол, у

нас тоже есть подобные выражения. Контакт был восстановлен. Урок заключается в том, что, если премьер шутит, ты не имеешь права его поправлять, ты должен шутку перевести, потому что он недаром ее сказал, он хотел снять напряжение».

Работу переводчика, считает Алла Леонидовна, можно сравнить с работой официанта в ресторане: «Смысл ресторана — в общении, и если официанта не видно, если тарелки не бьются и ножи не падают, он хороший работник».

Когда-то Хуан написал своей жене Алле стихотворение о своих чувствах на испанском языке, она ответила ему, поскольку еще с детского сада любила рифмовать слова. И завязалась переписка, которая насчитывает более 200 стихов. «Обычно мы ставили дату и время их написания. Как-то Хуан уехал на Кубу на совещание послов, а я оставалась

МНЕ ИНОГДА КАЖЕТСЯ, ЧТО ТЕМ, ЧТО МНЕ СЕЙЧАС ДАНО — РАБОТЕ НА ТАКОМ ВЫСОКОМ УРОВНЕ, С ТАКИМИ НЕОРДИНАРНЫМИ ЛЮДЬМИ, — Я ОБЯЗАНА МОЕМУ ХУАНУ, КОТОРЫЙ ПОМОГАЕТ МНЕ ОТТУДА... И СВЯЗЬ ЭТУ Я ДОЛЖНА ХРАНИТЬ

в Багаде. Потом он вернулся и показал стихотворение, которое написал для меня. А я ему показала свое. И когда мы сравнили дату и время — было полное совпадение! Всякий раз, когда Алла Леонидовна берется за издание этого поэтического сборника, воспоминания не дают работать. «Эта переписка может научить молодежь трепетно относиться к чувству любви, к этому великому дару, который тебя посетила». Этот стихотворный опыт помог Алле Зенькович работать в качестве переводчика поэзии. Она перевела книгу стихов посла Панамы в Москве. «Испанцы и латиноамериканцы — это народы, жизнь которых овеяна романтикой, у них особое отношение к женщине, к любви. Они настроены на красоту не только потому, что их окружает красивая природа, им нравится, когда красиво и отношения между людьми. В этой работе мне пришлось применить знание не

только испанской поэзии, но и музыкальных латиноамериканских ритмов, например хоропо — это ритм танца в Венесуэле. Они почти не пишут той рифмой, которой писали Пушкин или Лермонтов, они пишут белым стихом, хотя мы его можем найти и у Бунина, и у других русских писателей». В книге Чавеса, которая называется «Линеас де Чавес» (в переводе А. Л. Зенькович), венесуэльский президент, по примеру Фиделя, пишет, обращаясь к своему народу, размышления, в которых тоже цитирует стихотворные строки — как из народной поэзии, так и из известных поэтов, например Пабло Неруды. «В одном месте он даже процитировал Шекспира. Но если перевести эту фразу из «Макбета» с испанского, то читатель может не найти ее в известных русских переводах. Но я смогла обнаружить ее у Пастернака. О чем это говорит современному студенту? Заниматься поэтическими переводами невозможно не только без знания минимум двух языков, но и без овладения определенной суммой знаний мировой культуры, литературы и поэзии».

Испанский язык на подъеме, его роль в мировом сообществе укрепляется. И Алле Леонидовне это очень нравится. По исследованиям ЮНЕСКО, среди европейских языков он самый легкий для изучения русскоязычными студентами. «Из 53 языков, которые преподаются в МГИМО, испанский на втором месте по популярности. У нас шесть тысяч студентов, и около 700 изучают его на всех уровнях. В этом году в группах третьего языка у нас было по 20 человек. Не хватает преподавателей, чтобы охватить даже тех, кто хочет изучать его в качестве третьего, на платной основе. Ко мне обращаются крупные фирмы с желанием корпоративно изучать испанский, так как развиваются связи между Россией и Венесуэлой, Аргентиной, Чили, Мексикой, не говоря уже об Испании. Во всех крупных фирмах — ЛУКОЙЛ, «Ростехнологии», «Газпром» и других — созданы латиноамериканские департаменты, где нужны люди — переводчики и специалисты с этим языком». Так что совет А. Л. Зенькович студентам («Учите, дети, языки!») становится все актуальнее. Но обучение лишь часть интересного процесса под названием молодость, добавляет она. «Живите интересно, ярко, не спите, накрывшись газетой на диване у телевизора! Пробуйте себя в разных ипостасях, наш институт дает такую возможность!» ...Специально для фотоснимка в МЖ Алла Леонидовна надела роскошный зеленый платок. «Я была в зеленом платье, когда мы встретились с мужем. Помню, он сказал: «Это цвет революции, это цвет моей Кубы, это цвет надежды». Я всегда надеваю зеленое по важным случаям. И знаете, у Николаса Гильена, известного кубинского поэта, есть такая строка: «Моя Куба, мой крокодил с зелеными глазами...»